

Гузеев Жамал Магомедович

О СЛОВЕСНОМ УДАРЕНИИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье анализируются особенности словесного ударения в карачаево-балкарском языке. Выявляются отличия словесного ударения в данном языке от ударения в некоторых тюркских, а также в русском языках, случаи его неподвижности по частям речи, различия в старых и новых заимствованиях, парных и сложных словах. Уделяется особое внимание его главной и второстепенной разновидностям, фонологической роли, которая сравнивается с русским языком, где указываются различия. Основным из них является следующее: в русском языке ударение различает как слова, так и их грамматические формы, а в карачаево-балкарском - лексическую и грамматическую формы или только грамматические.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 89-91. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1963. 1200 p.
13. Many a mickle make a muckle. Перевод и определение [Электронный ресурс] // Glosbe – многоязычный онлайн-словарь. URL: <https://ru.glosbe.com/en/ru/many%20a%20mickle%20makes%20a%20muckle> (дата обращения: 12.04.2017).
14. Ramachandran V. BBC Reith Lectures. San Diego: University of California, 2003. 159 p.

**SYMBOLIC SOUND METAPHOR AS A MEANS OF IDENTIFYING THE SYMMETRY
OF SOUND-DESCRIPTIVE RELATION BETWEEN THE WORD SOUND AND ITS MEANING
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

Vyuzova Elena Yur'evna, Ph. D. in Philology
Evenko Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology
Tambov State Technical University
nazarova33-1975@mail.ru

In the article the sound-symbolic metaphor based on sound symbolism is considered, and its role in the creation of new words is emphasized. A large number of examples confirm that the phenomenon under study arises from secondary associations on the basis of synesthetic cross modal abstraction, as a result of which the sounds of the word are capable of forming sound-symbolic metaphors.

Key words and phrases: sound-symbolic metaphor; sound symbolism; synesthetic cross modal abstraction.

УДК 801.612+811.512.142

В данной статье анализируются особенности словесного ударения в карачаево-балкарском языке. Выявляются отличия словесного ударения в данном языке от ударения в некоторых тюркских, а также в русском языках, случаи его неподвижности по частям речи, различия в старых и новых заимствованиях, парных и сложных словах. Уделяется особое внимание его главной и второстепенной разновидностям, фонологической роли, которая сравнивается с русским языком, где указываются различия. Основным из них является следующее: в русском языке ударение различает как слова, так и их грамматические формы, а в карачаево-балкарском – лексическую и грамматическую формы или только грамматические.

Ключевые слова и фразы: проклитики; энклитики; модальные слова; главное ударение; второстепенное ударение; третьестепенное ударение; фонетические слова; редукция гласных; экспрессивно-эмоциональные слова; служебные слова.

Гузев Жамал Магомедович, д. филол. н., профессор
Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик
kaitaeva07@mail.ru

О СЛОВЕСНОМ УДАРЕНИИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В отличие от некоторых тюркских языков, например турецкого, узбекского и киргизского, в которых словесное ударение преимущественно динамическое, но помимо него в слове имеется и музыкальное ударение [6, с. 52-56; 8, с. 52; 9, с. 130], в карачаево-балкарском оно только динамическое. Оно в данном языке и силовое, в отличие от якутского, киргизского и туркменского, которые, помимо всего, характеризуются еще количественным ударением [2, с. 410].

В зависимости от своего характера и интенсивности силовое ударение в карачаево-балкарском языке подразделяется на главное ударение, которое обычно падает на последний слог, и второстепенное, возникающее в словах, имеющих четыре и более слога, и падающее на первый слог слова, ср.: *йшлериклэ* «те, кто будут работать» [10, т. 2, с. 148], *ашарыкъланы* «кто, что подлежит съедению» [Там же, т. 1, с. 275] и др.

Поскольку словесное ударение падает на последний слог, то оно связанное, фиксированное, одноместное. Однако это не означает, что такое ударение неподвижно. Оно подвижно, так как при присоединении аффиксов к словам передвигается к ним: *адám* «человек» – *адамлá* «люди» – *адамларý* «их (его) люди» – *адамларýбýз* «наши люди» – *адамларýбызгá* «(к) нашим людям» [Там же, с. 49].

Тем не менее довольно много случаев, когда ударение не падает на последний слог слова и подвижность его нарушается. Это имеет место как в знаменательных, так и в служебных и экспрессивно-эмоциональных словах.

В знаменательных словах неподвижное ударение может находиться на первом и предпоследнем слоге одинарных и сложных, а также на последнем слоге своего первого компонента сложных слов.

Ударение неподвижно и прикреплено к первому слогу в словах следующих частей речи;

- 1) сложные существительные с раздельным написанием компонентов, первый из которых односложен: *жáн жайлуқ* «полотенце» [Там же, с. 802], *кúз арты* «осень» [Там же, т. 2, с. 404] и др.;
- 2) сложные прилагательные с раздельным написанием компонентов, первый из которых односложен: *бýр жанлы* «односторонний» [Там же, т. 1, с. 431], *бáл бетли* «каштановый» [Там же, с. 321] др.;

3) вопросительные и указательные местоимения: *áллай* «как тот» [Там же, с. 129], *бýллай* «как этот» [Там же, с. 544], *áнча, мýнча* «столько» [Там же, т. 1, с. 162, т. 3, с. 956], *қáчан* «когда» [Там же, т. 2, с. 628], *нénча* «сколько» [Там же, с. 993], *нénчаý* «сколько людей» [Там же, с. 994], *қáллай, нéллай* «какой» [Там же, с. 524, 993], а также в производных формах, образованных от них: *áллайны* «такого, как тот» [Там же, т. 1, с. 129], *мýнчага* «столькому» [Там же, т. 3, с. 956], *қáчандан* «с каких пор» [Там же, т. 2, с. 629], *қáчанңа* «на какое время» [Там же], *нénчага* «на сколько» [Там же, с. 993], *нénчасы* «сколько из них» [Там же], *нéллайны* «какого» [Там же];

4) наречия: а) одинарные: *Энди* «теперь, нынче» [Там же, т. 3, с. 1074], *хáман* «всегда, постоянно» [Там же, с. 784], *Эрлай* «живо, быстро, мгновенно, немедленно» [Там же], *бýлтыр* «в прошлом году» [Там же, т. 1, с. 545]; б) сложные и повторные: *бýр талай, бýр ненча* «несколько» [Там же, с. 433], *бýраз* «немного» [Там же, с. 435], *бýгýн* «сегодня» [Там же, с. 550], *бýйыл* «в этом году» [Там же, с. 543], *тáмбла* «завтра» (*таң* «рассвет» *бла* – послелог «с») [Там же, т. 3, с. 347], *чýртда* «ничуть» [Там же, с. 957], *áз-аз* «понемногу» [Там же, т. 1, с. 61], *бýр-бур* «по одному» [Там же, с. 435] и др.;

5) многие составные числительные: *óнбир* «одинадцать» [Там же, т. 2, с. 1044], *óнжети* «семнадцать» [Там же], *бéш жүз* «пятьсот» [Там же, т. 1, с. 409] и др.;

6) ряд междометий одинарных и сложных: *óллахий!*, *бýлляхий!*, «клянусь Аллахом!» [Там же, т. 1, с. 427, т. 2, с. 1038], *тóбаста!* «о, боже!» [Там же, т. 3, с. 534], *Ы маржа!* (выражает призыв, обращение) [Там же, т. 2, с. 861], *áй медет!* «как жаль!» [Там же, т. 1, с. 69], *óу күнүм!* «о боже» [Там же, т. 2, с. 1084] и др.;

7) ряд союзов одинарных и сложных: *áнсы* «иначе, а то, не то, а не то» [Там же, т. 1, с. 159], *сóра* «и, еще» [Там же, т. 3, с. 189], *Эмда* «и» [Там же, с. 1069], *неда* «или» [Там же, т. 2, с. 991], *óл себенден* «поэтому» [Там же, с. 1037];

8) значительное число одинарных и сложных частиц: *шáшмай* «точь-в-точь» [Там же, т. 3, с. 980], *áрабий/áрабин* (выражает любопытство, интерес, желание узнать о чем-либо) [Там же, т. 1, с. 173], *чýртданда* «совсем, совершенно» [Там же, т. 3, с. 957], *хóу/хóу бир да* «куда уж там! Ничего подобного!» [Там же] и др.;

9) некоторые модальные слова: *Эшта* «видимо, вероятно» [Там же, с. 1127], *áйсагъан* (показывает сильное желание говорящего) [Там же, т. 2, с. 94] и др.

Неподвижное ударение, прикрепленное к предпоследнему слогу, имеют производные наречия на *-ча* и *-май*: *қысхáча* «вкратце» [Там же, с. 798-799], *орýсча* «по-русски» [Там же, с. 1071], *адáмча* «как следует, основательно» [Там же, т. 1, с. 51], *адетдéча* «как принято, как положено» [Там же, с. 54], *тохтáмай* «беспрестанно, непрерывно» [Там же, т. 3, с. 565] и др.

Довольно большое количество двухкомпонентных слов имеют неподвижное ударение на последнем слоге своего первого компонента:

1) парные слова-существительные: *атá-ана* «родители» [Там же, т. 1, с. 217], *алым-берим* «купля-продажа», «обмен» [Там же, с. 140], *сабий-сýбýй* «детвора» [Там же, т. 3, с. 14], *сатыу-алыу* «торговля» [Там же, с. 80] и др.;

2) существительные с собирательным ироническим значением: *аксáк-туқсақ* «разные хромые» [Там же, т. 1, с. 102], *чуңур-муңур* «рытвины и ухабы» [Там же, т. 3, с. 931] и др.;

3) наречия и прилагательные, образованные путем простой или морфологизированной редупликации типа *андá-санда* «изредка» [Там же, т. 1, с. 157], *эмýр-эмýрге* «во веки веков» [Там же, с. 102], *ашық-бушук* «наспех, торопливо, кое-как» [Там же, с. 281] и др.;

4) некоторые сложные наречия: *бирси күн / бýрсýкүн* «позавчера», «послезавтра» [Там же, с. 555], *эрт-тénбла* «утром» [Там же, т. 3, с. 1101] и др.;

5) звукоподражания и образоподражания типа *тыхár-тухур, дыгár-дугур* (подражание шуму, грохоту) [Там же, т. 1, с. 700, т. 3, с. 636], *жыгáл-муғул* «галдеж» [Там же, т. 1, с. 968] и др.

Проклитики и энклитики в фонетических словах вообще не принимают на себя ударения: *бир қадár* «так много» [Там же, с. 433], *аны ýчýн* «за это, поэтому» [Там же, с. 163] и т.п.

Мнение, согласно которому «когда служебные слова принимают аффикс, ударение падает на этот аффикс...» [4, с. 85], не подтверждается фактами исследуемого языка. Произношение типа *сени бламыды* «с тобой ли», *сени ýчýнмý?* «ради тебя что ли?» [Там же], *аны кибиклé* «такие, как он» неправильны, правильны *сенí бламыды, сенí ýчýнмýдý, аны кибиikle*.

Неподвижное ударение прикреплено к последнему слогу первого компонента и в следующих грамматических сложных формах:

1) формы интенсификации прилагательных, представляющие редупликацию первого компонента: *кáp-кара* «черный-пречерный» [10, т. 2, с. 556], *жсáп-жсашил* «зеленый-презеленый» [Там же, т. 1, с. 822], *кeппé-кертi* «доподлинный, неопровержимый, точный» [Там же, т. 2, с. 201] и др.;

2) редулицированные формы деепричастия на *-а/-е, -й, -п*: *ашыгá-ашыта* «торопясь» [Там же, т. 1, с. 281], *кýлé-кýле* «смеясь» [Там же, т. 2, с. 201], *ишлéй-ишлей* «работая» [Там же, с. 148], *урýп-уруп* «ударяя» [Там же, т. 3, с. 695] и др.

Непостоянно ударение и при обращениях: оно в данном языке падает на первый слог – при обращении к лицу на родном языке, на последний слог – при обращении к лицу на русском языке: *Ахмат* и *Ахмáт*, *Мáгомет* и *Магомéт*.

При обращении же к группе лиц на родном языке ударение падает на первый слог: *жсáшила* «парни» [Там же, т. 1, с. 856], *жсóлдашила* «товарищи» [Там же, с. 916], *Эгечим* «сестра моя» [Там же, т. 3, с. 1043].

В сложных словах и повторах типа *қарá нанық* «ежевика» [Там же, т. 2, с. 562], *ǎмǎр-ǎмǎрге* «навек веков» [Там же, т. 1, с. 727], в которых ударение падает на последний слог их первого компонента, последний слог второго их компонента имеет второстепенное ударение. Просодически его отличие от неударного слога первого компонента почти незаметно, неударный же слог второго компонента имеет самую минимальную просодическую характеристику. С точки зрения акцентно-ритмической подобные слова ничем не отличаются от синтагм типа *аны́ кибик* «подобно ему», «такой как он» [Там же, с. 163], *кесі окуна/ огуна* «даже он сам» [Там же, т. 2, с. 225], которые включают в себя синтаксически ведущее и зависимое слово (сочетание знаменательного слова с двухсложным послелогом или частицей).

Аналогическое же акцентно-ритмическое строение имеют сложные формы: *айтá эдим* «я говорил (неоднократно)» [Там же, т. 1, с. 80], *айтхán эдим* «я уже говорил» [Там же], *айтá турганбыз* «мы, бывало, говорили» [Там же].

Если в сложных словах и повторах ударение падает на последний слог, то второстепенное ударение появляется на последнем слоге первого их компонента: *қарáдурá* «черномазый» [Там же, т. 2, с. 571], *қалгáн-булгáн* «объедки, остатки, отбросы» [Там же, с. 520] и т.п.

О фонологической роли карачаево-балкарского словесного ударения нет определенной установки, кроме констатации, что оно «играет смысловозначительную функцию», опираясь на примеры типа *алмá* «яблоко» – *áлма* «не бери», *адáмсыз* «вы (настоящий) человек» – *адамсыз* «без человека», *орундá* «на месте» – *орун да* «ки место» [3, с. 68; 5, с. 82].

Фонологическая функция словесного ударения бывает конститутивной (или словопознавательной) и смысловозначительной. Первая означает, что ударение является обязательным элементом звукового облика слова. Например, в русском языке ударение «представляет собой... непосредственно признак слова (а при подвижности ударения – признак слова в его данной конкретной форме). Это доказывается тем, что два слова, различающиеся местом ударения, при последовательном членении на кратчайшие звуковые единицы оказываются всегда отличающимися друг от друга не только одним, а двумя признаками. Ср., например, *муку́* и *му́ку*: эти слова отличаются друг от друга не только ударностью первого [у] в первом слове и безударностью во втором, но также обязательно и безударностью второго [у] в первом слове и его ударностью во втором» [1, с. 121].

Как отмечает Б. А. Мусуков, при частичной редупликации прилагательных ударение падает на первый слог сложного слова. Однако потеря ударения первым компонентом сложного слова при имеющемся слого-разделе и перенос его на другой слог, не подвергшийся фонетическим изменениям, не имеет смысловозначительного значения [7, с. 145].

Как свидетельствуют приведенные примеры, в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, ударение связанное, фиксированное, одноместное. Его фонологическая функция касается только грамматических форм слов.

Список источников

1. Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. М.: Учпедгиз, 1955. 289 с.
2. Аракин В. Д. Ударение // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / редакционная коллегия: Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, А. Н. Кононов, Б. А. Серебренников, Э. Р. Тенишев (отв. редактор), А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1984. С. 403-454.
3. Будаев А. Ж. Къарачай-малкъар тилни фонетикасы эм аны окъутууну методикасы. Нальчик: Эльбрус, 1985. 216 с.
4. Будаев А. Ж. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1968. 152 с.
5. Будаев А. Ж. Фонетика // Грамматика карачаево-балкарского языка / под ред. Н. А. Баскакова. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 22-102.
6. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.
7. Мусуков Б. А. Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 304 с.
8. Орусбаев А. Киргизская акцентология. Фрунзе: Илим, 1974. 112 с.
9. Севортян Э. В. Фонетика литературного турецкого языка. М.: Наука, 1955. 152 с.
10. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Нальчик: Изд-во «Эль-Фа», 1996. Т. I. А-Ж. 1016 с.; 2002. Т. II. З-Р. 1168 с.; 2005. Т. III. С-Я. 1160 с.

ON WORD STRESS IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Guzeev Zhamal Magomedovich, Doctor in Philology, Professor
 Institute for the Humanities Research (Branch)
 of the Kabardian-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
 kaitaeva07@mail.ru

This article analyzes the peculiarities of word stress in the Karachay-Balkar language. The study reveals differences between word stress in this language and the stress in some Turkic and in Russian languages, the cases of its fixedness in relation to parts of speech, the differences in the old and new loan words, pair and compound words. The author pays special attention to its main and secondary varieties, phonological role, which is compared with the Russian language, where the differences are specified. The main of them is the following: in Russian, the stress distinguishes both words and their grammatical forms, but in Karachay-Balkar the stress distinguishes lexical and grammatical forms or only grammatical ones.

Key words and phrases: proclitics; enclitics; modal words; primary stress; secondary stress; tertiary stress; phonetic words; vowel reduction; expressive-emotional words; function words.